

ПАТТИ СМІТ

PATTI SMITH

BREAD
OF ANGELS

ПАТТИ СМИТ

ХЛЕБ АНГЕЛОВ

Перевод с английского
Светланы Силаковой

издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Сое)-44

С50

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Смит, Патти.

С50 Хлеб ангелов / ПАТТИ СМИТ; пер. с англ. С. СИЛАКОВОЙ. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2026. — 304 с.

ISBN 978-5-17-179071-4

Патти Смит написала несколько книг воспоминаний, и “Хлеб ангелов” — самая личная из них. Начинается рассказ с детства, а подростком Патти уже начинает всерьез задумываться об искусстве. Артур Рембо и Боб Дилан становятся ее главными ориентирами, она начинает писать стихи, а затем и песни, которые входят в первые ее альбомы. Но она оставляет сценическую карьеру и выходит замуж за Фреда Соника Смита, главную любовь всей ее жизни. Тогда-то она начинает пробовать себя в прозе. И вместе с Фредом мечтает о путешествиях в дальние страны. А дальше — тяжкие утраты, глубокие переживания, необходимость отстраивать жизнь заново. На последних страницах книги мы снова видим Смит в дороге, странницу, которая отправляется в путешествия, чтобы не терять себя, которая живет для того, чтобы писать, и пишет для того, чтобы жить.

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-179071-4

Copyright © 2025 by Patti Smith

© С. Силакова, перевод на русский язык, 2026

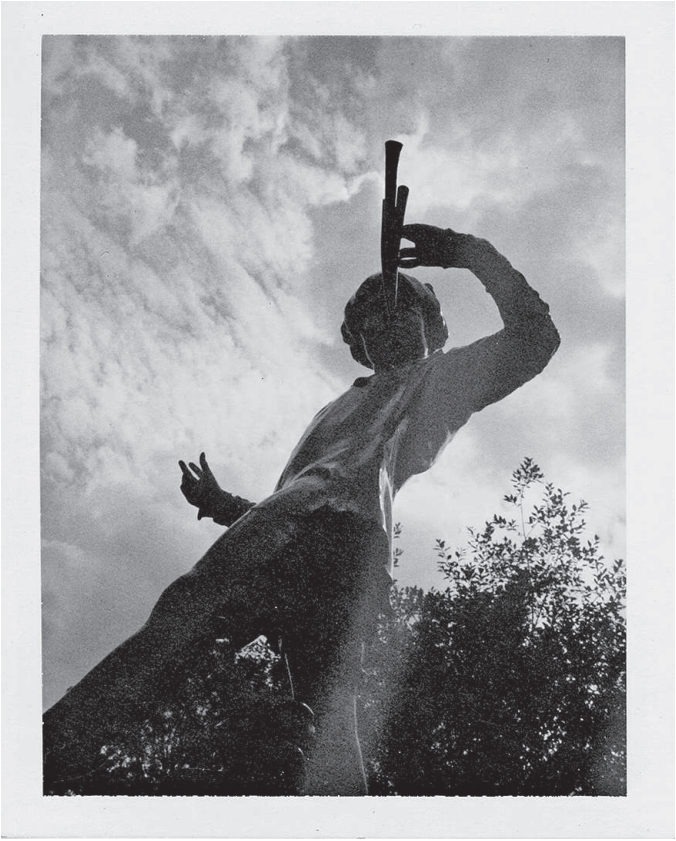
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2026

© ООО “Издательство АСТ”, 2026

Издательство CORPUS ®

Содержание

Прелюдия	9
Сознательный возраст	13
Гарденс	68
Озарения	87
<i>art/rats</i>	103
<i>Dancing Barefoot</i>	133
<i>My Madrigal</i>	171
<i>Mortal Shoes</i>	217
Грант	231
<i>Peaceable Kingdom</i>	239
Капля крови	253
Пути бродяжничества	269
О фотографиях	297
Об архивах	299

*Препятствия суть наши крылья.*¹

НИКОЛАЙ ГОГОЛЬ

1 Из письма Н. Гоголя художнику
А. Иванову от 30 августа 1842 г.
Здесь и далее прим. перев.

Прелюдия

ПЕРО ЦАРАПАЕТ СТРАНИЦУ: “БУНТАРСКИЙ горб бунтарский горб бунтарский горб”. “И что же значат эти слова?” — спрашивает перо. “Не знаю, — отвечает запястье. — Такие слова сейчас вытанцовываются, а авторша, квартирующая сейчас в «Долине Шарлотты» на севере Польши, потом решит”. Имя “Шарлотта” вызывает из памяти фарфоровое лицо куклы. Девочка оставила куклу на траве, убежала по ягоды. Вроде ненадолго, но успела про нее позабыть, и с течением времени брошенная кукла становится Шарлоттой под дождем, Шарлоттой в снегах, Шарлоттой в пасти проказливой собаки. Фарфоровую головку укрывают тени берез, растущих все выше и выше в снежные времена года, и листья тоже укрывают: сначала красные, потом мертвые. Солнечные времена года стирают с ее щек румянец, но им непокорна бесстрастная лазурь ее мраморных глаз.

Отчего лицо фарфоровое? Отчего бы не вспомнить лоскутную куклу, такую, как у меня самой, глазки-пуговицы на тряпичном лице? Эта склонность вставлять в рассказ вещи, которых у меня никогда в жизни не было, — откуда она берется? Это необъяснимое влечение к так называемым предметам роскоши, о которых пишут в книгах: жилет из натурального

льна, лайковые перчатки, шевровые сапожки. Перерываю книги, словно воображаемые дорожные сундуки, в поисках одного особенного бархатного плаща — надо спрятать под ним миниатюрного Квазимодо, который заточен в нескладном детском теле. Бунтарский горб мой, он меня совсем не красит, но все равно необходим, бунтарский горб.

Отложив перо, ловлю себя на том, что мурлычу давнюю мелодию, песню болотистых лесных краев, где я когда-то медлила под быстрыми облаками, зачарованная всем вокруг. “Бунтарский горб, бунтарский горб”, проламываясь сквозь камыш, сквозь бескомпромиссные папоротники, шагая от дурмана вонючего, от стай мошкары и комаров. Там я привязывала к своему ремню маленький молоток и миниатюрный фонарик. Колола булыжники, чтобы добраться до их тайных сердцевин, сигналила кораблям пришельцев — пусть увезут меня в дальние дали, терпеливо дожидалась: я бы добровольно поднялась в их летающую тарелку. Разувалась, шла вслед за ручьями: в воде, как кружева, — водоросли и юркие головастики, высматривала во все глаза — не блеснет ли особая монета, в обмен на которую меня пустят в нижний мир? Или зазубренная кромка осколка: если приложить его в правильном месте, он соединится с остальными в карманное зеркальце, мое подобие, зеркальце не простое, а из слоновой кости.

Оставляю работу на столе и вхожу в лес, которым окружена “Долина Шарлотты”, инспектирую внутренние механизмы старейших деревьев. Между годовыми кольцами покоятся волокна четырех белых платьев, живые клетки детства. Накрахмаленные складки платья для первого причастия. Утлые лохмотья платья искусства. Вечернее платье, легкое, как носовой платок, чистосердечно-наивное, как рок-н-ролл, — подарок моего брата. И, наконец, прекрасно сохранившееся викторианское платье для чаепитий, мое свадебное платье,

воплощение обетов и слез, пролитых мной по мужу, а мужа я когда-то любила больше, чем себя.

Бог шепчет сквозь морщину на обоях, капля воды лопается, образуя уравнение. Свет в лесу меркнет. Какой-то старик, сидя на бочке, поет: “Золотой нашел я в поле, кто его мне разменяет?” Откликается девочка: “Может, моя кукла, если я ее найду. У нее полный кошелек серебра”. Одно усилие воли — и кукла материализуется. Шарлотта. Сначала рука, затем торс, затем маленькая гордая головка, пристально смотрят синие глаза, выдавшие, как были низвергнуты с неба серафимы, как колыхались в резонанс, сгорая, звезды.

“Все умерли, все позабыто”, — откликается эхом чей-то голос. Составляю инвентарный перечень тех, кто все еще со мной. Бросаю составлять, добравшись только до лица моей сестры, невинного, но всеведущего. Пока она на этом свете, сохранность наших воспоминаний гарантирована. Ну, а в будущем, когда нас обоих не станет? “Пиши для этого будущего, — говорит перо, — ради выбракованного ягненка, ради ягненка, которого унес ветер, словно пепел с горящего чердака”. Песочные часы переворачиваются. Каждая песчинка — слово, слово-вулкан, извергающее тысячу других слов, первые и последние мгновения каждого живого существа.

Вижу себя на цыпочках: тянусь к малиновой книге, возбуждающей жадное любопытство малого ребенка. Я хотела знать, что там внутри, а со временем возжелала сама написать книгу. Верила, что смогу написать самую длинную книгу на свете, записать все до одного события за каждый день. Изложить все на бумаге такими словами, чтобы каждый человек нашел что-нибудь свое. Некоторые, возможно, останутся со мной, другие улетают прочь. Я свое дело сделала — излила все, стоя на гребне лучезарного холма, в лучах беспощадного солнца, одинокая путешественница в поисках сада, где на часах всегда время детства.

Сознательный возраст

ДВИЖЕНИЕ — ПЕРВОЕ ОЩУЩЕНИЕ, КОТОРОЕ помню. Моя рука машет взад-вперед, и эта скромная затея выливается в падение Багза Банни с моего столика для кормления. Мой безмолвный сотоварищ, только что восседавший напротив, огромный, почти как настоящий кролик, исчез, как исчезали корабли викингов, срываясь с края света. Упал так быстро, что перед глазами все расплылось, туда, куда мне не дотянуться; впервые я столкнулась с последствиями своих поступков. Помню себя на руках у отца, помню, что на руках у матери чувствовала себя совсем иначе. Отец был спокойный, я льнула к его утешительному плечу. Меня инстинктивно тянуло к нему, хотя мать, в отличие от него, всегда была около меня неотступно, всегда командовала. В неполный год отроду я сделала первые неуверенные шаги по кухонному полу. И с тех пор не останавливалась. Маме не было сладу со старшим ребенком — непоседливой почемучкой, которую неудержимо влекло исследовать мир, вырваться из ее объятий, удирать на волю в парках, теряться в универсамах и в грош не ставить ее любовь.

Она предостерегала о последствиях тысячи моих затей, но я была просто обязана сама удостовериться в ее право-

День памяти павших. Чикаго, 1947 г.

те и возвращалась покусанная, ужаленная, в синяках и ссадинах, всячески побитая жизнью. Плохо сознавая, сколько со мной хлопот, какой хаос я учиняю, я тянулась к запрещенному: непотушенной сигарете, серебряной настольной зажигалке — если ей щелкнуть, сверкнет красивый огонь, надевала на запястье тугую резинку. На пальце волдырь, рука посинела.

Кусочек за кусочком складываю все более обширную мозаику своей предыстории. После окончания Второй мировой войны Грант Харрисон Смит — сердце разбито, голову после малярии распирают мигрени — вернулся с фронта (он воевал в Новой Гвинее и на Филиппинах) в Филадельфию. В свое время он так и не окончил среднюю школу — предпочел стать основным танцором в семейном трио чечеточников и акробатов: он, его сестра и брат. Но война поставила крест на перспективах трио. Беверли Уильямс, молодая вдова, потерявшая сына в родах, работала в ночном клубе. Грант и Беверли были знакомы еще в ранней юности, а после войны обрели в объятиях друг друга утешение и чувство воссоединения со старой, знакомой жизнью. Грант слегка растерялся в новые времена, но верил, что будущее — за телевидением. В 1946 году он подал документы и был принят в чикагское техническое училище, где действовала послевоенная мера стимулирования — платили стипендию, двадцать долларов в неделю. В соответствии с планами Гранта мои будущие родители заключили брак без пышных церемоний — просто записались в мэрии — и тут же уехали на поезде в Чикаго. Сняли две комнаты в пансионе в польском квартале около Логан-сквер. Мама, уже беременная мной, работала официанткой до последнего, пока могла держаться на ногах.

Меня ждали 31 декабря, но я появилась на свет в разгаре грандиозного бурана и на день раньше положенного. От-